

ДО ОТКРЫТИЯ занавеса оставалось несколько минут. Исполнитель центральной роли потушил сигарету:

— Ну, мне пора. Пошел лепить.

— Что лепить?

— Известно что. Образ. Сочными мазками. Так ведь напишут?

А потом был очень интересный спектакль, а потом — статья, где говорилось и о чем пьеса, и зачем, и что, и как. А в конце действительно про артиста: «лепит образ сочными мазками». Да... Как все, что лишено смысла, такие комплименты, наверное, оставляют в душе артиста тоскливую пустоту. К счастью, назавтра — очередная репетиция, новые тревоги. До осадков ли тут?

Сезон 1972/73 года стал сезоном широкого наступления на фронте театрального искусства. И очевидный новый прорыв драматургии к живым процессам сегодняшней действительности. И новые писательские имена на афишах: свердловчанин Геннадий Бокарев — во МХАТе, Диас Валеев из Татарии — в Театре имени М. Н. Ермоловой, сибиряк Александр Вампилов — сразу на нескольких столичных сценах, Рустам Ибрагимбеков — у вахтанговцев (список этот можно продолжить). И вызванный к жизни празднованием 50-летия СССР активный взаимообмен между сценическим искусством России и Грузии, Украины и Киргизии, Молдавии и Латвии. Событий много, они неоднозначны; сейчас подводятся итоги смотра пьес, принадлежащих перу драматургов братских республик, отыскиваются оптимальные варианты творческих содружеств писателей и театров.

А тем временем, независимо от сегодняшних споров и грядущих итогов, каждый вечер на десятках подмостков выходят артисты. Труднейшие, подвижные. И в пьесах, способных потрясать умы и сердца. И в ролях, какие критикам справедливо кажутся невыписанными. И в спектаклях, где постановщик «не разгадал замысел» или «стилистику пьесы». И когда поднимается температура от гриппа или простуды. И после статей, где вся сложность актерской работы уместилась в тех самых «мазках». И когда — что тоже случается не так уж редко — рецензенту вообще не хватило газетной площади на оценку того, подчас решающего вклада, который внес в успех спектакля исполнитель. Какое это, в сущности, неточное слово — «исполнитель»...

...Московский театр сатиры. Из тех, куда вот уже сколько десятилетий не покупают билеты, но «достают». Новая комедия белорусского драматурга Андрея Макаенка «Таблетку под язык». Действующие лица спектакля — колхозники и «представители» связанной с деревней деловой «сферы». Актеры — едва ли не весь «цвет» труппы: Анатолий Папанов, Вера Васильева, Андрей Миронов, Александр Ширвиндт. И так далее.

Папанов, играющий «деда», без какого не обходится деревенская комедия, пять минут подмывает коммату венником, напевая одну и ту же фразу: «А у перепелочки ножки болят...», — а у нас слезы текут от смеха. Спартака Мишулина (он изображает делегу-предпринимателя, навивающегося на местных трудностях) можно просто записать на пленку и смотреть в минуты уныния для поднятия духа. Словом, столичные невропатологи могут смело прописывать своим пациентам «Таблетку под язык», поставленную Валентином Плучеком.

Популярность артистов Театра сатиры удесятрилась сейчас благодаря телевизионному «Кабачку 13 стульев», где каждый из

них варьирует в разных ситуациях символ того или иного типа. Безусловно авторитетный в вопросах юмора Карел Чапек вообще оставляет за истинным комиком право «неизменно оставаться самим собой». И все-таки, переступая порог Театра сатиры, мы требовательно надеемся увидеть не «перенздание» такого-то, пусть даже самого любимого мастера, а уникальное «изделие», которое в наше время — время массовых тиражей актерского искусства при помощи кино, телевидения — и особенно требуется, и особенно ценится. Массовые тиражи — ведь не только вернисаж, а в известной степени и «распродажа» того, чем владеешь. Хочешь не хочешь, а надо задумываться о расширении арсенала профессиональных средств.

Искусство драматического театра, в том числе и занимающегося исключительно юмором, молодое своим соотношением с живой жизнью. А жизнь, она давно упрямо не укладывается даже в самые испытанные театральные «ам-

даже те — неглавные — характеры, которые в его пьесе едва «проклеивались». Теперь, в ефремовском спектакле, мы видим живых, узнаваемых рабочих парней, потому что такими их сделали Е. Киндинов, В. Кашпур, Б. Щербанов, М. Лобанов. И дело не просто в добротности сценического письма, а в активном участии артистов в утверждении и отрицании тех явлений жизни, что побуждали писателя взяться за перо.

Средства души, в отличие, наверное, от всех других средств, умножаются от самого расточительного, самого «неразумного» их расходования. И это только кажется, что можно скрыть от окружающих, как именно ты ими распоряжаешься. Особенно, если живешь в такой открытой всякому взору профессии, как актерская. Для нас, зрителей, театр — дело добровольное. Хочешь — ходи. Хочешь — не ходи. Хочешь — люби, хочешь — не люби. Но уж если пришел, не сиди в выдум потребителя (мол, развлекайте меня), умеи оце-

ла образовались пробелы, для них — увы! — теперь невозможные. Давно здесь нет художника, способного преобразовать разрозненные «батарей» в единую энергию искусства. В последней премьере театра — «Колонистах» — выступают вновь интересные молодые актеры. Как хотелось бы, чтобы проблема главного режиссера была решена, наконец, и без компромиссов, и перспективно. В спектакле Московского драматического театра имени Н. С. Станиславского «Прощание в июне» А. Вампилова мы с радостью узнавали прежних И. Козлова, Л. Сатановского, Ю. Гребенщикова. Похоже, что может возродиться театр, последние годы тоже напоминавший, выражаясь словами поэта, «ящик с аккордеоном, а музыку — унесли». Между тем совсем вроде недавно коллектив этот работал под руководством М. М. Яншина увлеченно, интересно.

Есть, конечно, идеальные случаи, когда артист держит судьбу в собственных руках. Кто станет у-

ся жанровые картинки жизни старого Тбилиси, его демократической окраины. Заставки из музыки, пантомимы и лирически приподнятых стихов. Стихи читает режиссер. И вот когда старому князю сваха подсовывает уродливую невесту, он (В. Стрельчик) сердится не на Хануму, а на... режиссера, скептически передразнивая возвышенные строки: «только я глаза закрою — над ресницами плывешь». Мол, волю тебе мечтать, а вот мне-то какой! Постановщик таким образом снимает саму возможность подзрения, что он мог заставить серьезно играть сверхпримитивный водеvil «первых артистов» труппы — Л. Макарова, Е. Копеляна, Н. Трофимова, М. Призван-Соколову, В. Ковель, В. Кузнецова, и — хоть, может быть, еще не «по рангу» — сюда надо добавить совсем молодого Г. Богачева. То есть играя-то они как раз с той всамделишной серьезностью, какая в исполнителях водевиля и должна присутствовать. Но все это, конечно, в шутку, как вы поняли из «перекананий» В. Стрельчика с режиссером.

Одновременно на сцене БДТ появился булгаковский «Мольер», где Сергей Юрский успешно дебютирует на режиссерском поприще и играет труднейшую заглавную роль. Обе премьеры вновь засвидетельствовали высокий уровень театральной культуры труппы и, как всегда, подарили актерские достижения, без чего, собственно, здесь спектаклей не бывает.

В «Хан-ме» дух захватывает от роскошно красочного панно с персонажами из Пироманишвили, в «Мольере» — от горящих по бокам сцены с пола до потолка электрических свечей. Но чего бы стоило это данно без «пироманиевской» народной сочности Ханумы, которую так празднично и озорно играет Л. Макарова? Ажурность оформления «Мольера» опирается на психологическую прочность Э. Поповой, подхвачена «мерцающей» пластикой Н. Теляковой, королевские грациозным О. Басилашвили. Словом, артисты труппы работают много, увлеченно, смело и сознательно идя на творческие трудности.

...ГАЗЕТНАЯ площадь неотвратимо убывает, а не названо и малой доли того, что заслуживает внимания из актерских работ. Не беда, конечно, если им не хватает места в рецензиях. Лишь бы в репертуаре хватало. От этого жизнь и ярче, и богаче.

Вспоминая свою театральную молодость, Серго Александрович Закарнадзе с горящими глазами перечислял: «Станиславский, Марджанов, Вахтангов, Таиров, Щукин. Представляете, какое счастье жить в одно время с ними? Даже в воздухе носится что-то такое...» Сам он тоже «заряжал» воздух искусством, дерзкими планами, неубывающим с годами равнодушием. Как жадно спешил он раздать все, чем владел! А вот театр мог бы дать больше выхода его доброте, его страстям, его мудрости. Земной вам поклон, Отна Иоселиани, что вы успели в своей пьесе «Пока арба не перевернулась» написать роль для этого замечательного артиста и что в этой роли он успел добавить к рассказу своей жизни какие-то сокровенные и важные слова...

Так что же там у вас, маститые и начинающие драматурги, готовится для Юрия Толубеева? Для Веры Марецкой? Для Николая Плотинова? Михаила Яншина? Алисы Фрейндлих? Иннокентия Смоктуновского? Большой был бы список, если поименовать всех...

Московский театр сатиры. Г. Менглет, А. Папанов, А. Миронов в спектакле «Таблетку под язык».

Ленинградский Большой драматический театр имени М. Горького. «Ханума». Тимотэ — В. Кузнецов, Князь — В. Стрельчик, Ханума — Л. Макарова.

Галина КОЖУХОВА

АРТИСТЫ

НОВЫЕ СПЕКТАКЛИ, НОВЫЕ РОЛИ

плау». Спектакль «Таблетку под язык», вызывающий дискуссии, безоговорочно интересен присутствием на сцене Георгия Менглета. Прорвавшись сквозь стереотипы жанра, через собственные неоднократно использованные приемы и все же оставшись в границах комедии, артист очень серьезно играет роль председателя колхоза. Уставшего, но не уставшего. Умеющего шедрым своим сердцем понять и простить многое, но сохраняющего при этом исконно народную нравственную чистоту.

В спектакле отменяешь стилистический разброд между первым и вторым действием, в пьесе — длинноты и некоторую смысловую запутанность многословных монологов о любви к земле, скорговору в постановке слишком многих проблем. Однако «за» и «против» даже не пытаешься класть на разные чаши весов — настолько очевиден перевес героя Менглета в идейно-художественной структуре спектакля. И хоть возраст деревенского головы берет свое (оттого и валидол приходится класть «под язык») и все вокруг движется, изменяется, усложняется, но как-то не очень хочется, чтобы на смену этому седому председателю пришел один из тех бравых «преобразователей», которые в иных пьесах и спектаклях с такой легкостью «сметают с пути» «устаревших» и у нас на глазах творят «чудеса». Потому что за менглетовским председателем — выходящая правота поколений, принявших на свои плечи все трудности судьбы народной. Жизнь не может искривиться, пока есть вот такой колхозный командир и подобные ему люди. И рассказ об этой жизни искривиться тоже не может. Счастлив драматург, обретающий такого соавтора...

На одном из недавних представлений «Сталева» во МХАТе я украдкой наблюдала за дебютантом драматургом Геннадием Бокаревым. Он (включая черновые прогоны) смотрел спектакль не сосчитать в который раз, но в лице — все те же напряжение, страх и страдание от любой фальши и ликование от любого точного попадания... Вспомнит ли, он потом, сидя за письменным столом, о первых репетициях, когда еще ничего не клеилось, и о том, как обрастали плотно

нить труд тех, кто не щадит себя.

Самоотверженность — вот качество, отличающее работу Александра Лазарева в ролях Дон Кихота и Сервантеса. Музыкальное представление Театра имени Маяковского «Человек из Ламанчи» далеко не безупречно и не всегда точно по многим своим компонентам. Но артист, выступающий в заглавной роли, охвачен той неутолимой жаждой служить идее добра, которая, наверное, и послужила основанием М. Горькому утверждать: «...Дон-Кихот. С моей точки зрения, это лучшее, что можно сказать о человеке». Александр Лазарев играет так самозабвенно, будто лично заинтересован уберечь каждого из нас от разрушительной силы холодного расчета, от власти того «здорового смысла», который программирует сытость и благополучие. Он стоит в средневековых доспехах, а на память почему-то приходят светловские строчки: «Нарень, презирающий удобства, умирает на сырой земле... Звезды девятнадцатого года потухают в молодых глазах».

Вот так никогда не «экономит» себя Аркадий Райкин, вот так сквозь все маски и типы всегда просвечивает натура самого художника, насколько не нарушая «натуральности» создаваемых им «портретов». Именно присутствие художника-гражданина сообщает всему, что делает этот большой артист, единый вершинный смысл.

...Недавно видела забавную «Золушку» — экзавмен третьего курса отделения музыкальной комедии ГИТИСа, и вот что запало в душу. Будущие артисты «выкладывались» до конца, и это становилось как бы качеством искусства, о чем — применительно к ним — еще вроде нельзя и заикаться. И казалось: любой из них способен стать в своем деле не Золушкой, но Принцессой, если не прозевает «двенадцать ударов», не потеряет волшебную туфельку.

Разумеется, человек — единственный кузнец своего счастья. Однако до какой же степени не все в актерской профессии зависит от самого «кузнеца»...

После ухода из жизни И. Н. Берсенева в судьбах нескольких поколений труппы Московского театра имени Ленинского комсомо-

верждать, например, что в столичном тизе всегда было все гладко и что вообще детский театр так уж приспособлен для «величавости» прекрасного? А вот Л. Князева последовательно, я бы сказала, упрямо держит высокий уровень искусства. Например, на представление «Будьте готовы. Ваше высочество!» я бы вообще предложила водить мужчин — студентов театральных вузов, чтобы они брали у Князевой уроки, как быть принцем духа, как играть рыцарство, любовь, благородство.

И еще один пример из того же театра: премьера комедии «Я, бабушка, Илья и Илларион». Не знаю, как было на самом деле, но из зала казалось, что участники спектакля предварительно договорились: пьеса, мол, прошла по всей стране и ломать голову особенно незачем. Примерно так должны выглядеть жилища, примерно так — школа, примерно так — деревенские мальчишки и старики. И все нормально и даже симпатично — и декорации, и Зурико (В. Качан), от лица которого и о котором идет рассказ. Но вот загвоздка: бабушку играет Л. Ахеджакова. Она, судя по всему, не согласна ни на какую приблизительность. Уж если комедия — то комедия, если бабушка — то бабушка, если грузинская — то грузинская. На «полную катушку». И актриса, органически неспособная играть кое-как, побеждает заданную «второезжанность», прорывается к духу и поэзии литературного первоисточника.

Лирическая комедия, созданная на основе повести Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илья и Илларион», много лет с премьерной свежестью шла в Ленинградском Большом драматическом театре имени М. Горького. А теперь здесь играют еще одну «если комедию» — то комедию, если грузинскую — то грузинскую по пьесе классика XIX века А. Цагарели. Постановщик «Ханумы» Г. Товстоногов и художник И. Сумбаташвили принесли на сцену щедрые краски земли своей юности, взяв в учителя и союзники великого ее живописца Н. Пироманишвили.

Спектакль обрамляет лирические заставки, из которых, как бы прорывая плену времени, появляются